

Стоя внизу у лестницы, Бернат не слышал ни хохота друзей сеньора де Бельера, ни всхлипываний женщин.

Он не присоединился к притихшим гостям и даже не обращал внимания на шутки солдат, которые обменивались выразительными жестами, тыча в сторону дома: он слышал только крики боли, доносившиеся из окна третьего этажа...

Небо по-прежнему сверкало голубизной.

Через некоторое время, Бернату показавшееся вечностью, на лестнице появился Льюренс де Бельера.

Весь потный, он на ходу застегивал на себе охотничью куртку.

— Эстаньол! — крикнул он своим громовым голосом, направляясь к столу. — Теперь твоя очередь. Донья Катерина, — сказал он своим спутникам, имея в виду жену, с которой он недавно вступил в брак, — устала от моих незаконнорожденных детей, которые продолжают появляться на свет, я больше не выдержу ее хныканья. Поступи как добрый муж-христианин! — потребовал он, снова поворачиваясь к Бернату.

Бернат опустил голову и под пристальными взглядами всех присутствующих побрел к боковой лестнице.

Едва переставляя ноги, он поднялся на второй этаж, в просторную комнату, служившую кухней и столовой, где в одну из стен был встроены большой очаг, над которым нависала внушительная каминная труба, выкованная из железа. Прислушиваясь к звуку своих шагов по деревянному полу, Бернат направился к лестнице с поручнями, которая вела на третий этаж, предназначенный для спальни и амбара. Он скользнул взглядом по деревянному настилу верхнего этажа, не смея подняться выше.

Оттуда не было слышно ни звука.

Неловко выпрямившись, так что его подбородок оказался на уровне пола, стоя на лестнице, он увидел одежду Франсески, разбросанную по комнате; ее белая льняная рубашка, семейная гордость, была разорвана в клочья...

Наконец Бернат поднялся наверх.

Совершенно голая, с потерянным взглядом, Франсеска лежала, свернувшись калачиком, на новом тюфяке, покрытом пятнами крови. Ее тело, в капельках пота, с царапинами и следами побоев, казалось неподвижным.

— Эстаньол, — услышал Бернат громкий голос Льюренса де Бельеры, — твой сеньор ждет.

Содрогаясь от позывов, Бернат стал блевать прямо в зерно так, что из него едва не вывалились кишки.

Франсеска продолжала лежать неподвижно.

Бернат рванулся к лестнице. Пока он спускался, в его голове лихорадочно роились самые разные мысли. Испытывая отталкивающие ощущения, ослепленный, он столкнулся с громадным Льюренсом де Бельерой, который стоял у нижней ступени и усмехался.

— Похоже, новобрачный не исполнил свой долг, — сказал Льюренс де Бельера своим спутникам.

Бернату пришлось поднять голову, чтобы взглянуть на сеньора де Наваркlesa.

— Нет... я не смог, ваша милость, — пробормотал он.

Некоторое время Льоренс де Бельера хранил молчание.

— Что ж, раз ты не смог, я уверен, что кто-нибудь из моих друзей или солдат заменит тебя. Я уже говорил, что больше не хочу незаконнорожденных детей.

— Не имеете права!

Крестьяне, наблюдавшие за этой сценой, вздрогнули, хорошо понимая, какие последствия могла иметь такая дерзость. Сеньор де Наварклес схватил Берната за шею и затряс с такой силой, что тот стал хватать ртом воздух:

— Как ты смеешь говорить такое?! Может, ты хочешь использовать законное право твоего сеньора переспать с невестой, а потом прийти с незаконнорожденным ребенком и что-нибудь требовать? — Льоренс продолжал трясти Берната. — Ты на это рассчитываешь? Права вассалов определяю я, только я, понимаешь? Ты забываешь, что я могу наказать тебя, когда захочу и как захочу!

Льоренс де Бельера отшвырнул Берната, размахнулся и залепил пощечину, свалив его с ног.

— Кнут мне! — в ярости закричал сеньор.

Кнут!

Бернат помнил, как, будучи совсем ребенком, он был вынужден вместе со своими родителями и другими селянами присутствовать на публичном наказании, наложенном сеньором де Бельерой на одного несчастного, о чьей вине так никто никогда и не узнал. Воспоминание о звуке лопающейся кожи на спине этого человека незамедлительно всплыло в сознании Берната — так было не только в тот злополучный день, но и каждую ночь в течение доброй половины его детства. Тогда никто из присутствующих даже не посмел пошевелить пальцем. А уж тем более сегодня...

Бернат поклонился и поднял глаза на сеньора: тот стоял, подобно огромной скале, и протягивал руку в ожидании, когда кто-нибудь вложит в нее кнут. Бернат вспомнил спину бедолаги, исполосованную до самого мяса и превратившуюся в кровавую массу, из которой даже вся ненависть сеньора не могла вырвать еще кусок...

На четвереньках, вслепую, Бернат попятился к лестнице, дрожа, как в детстве, когда его не покидали ночные кошмары.

Никто не шелохнулся. Все молчали. А солнце продолжало сиять.

— Я сожалею, Франсеска, — пробормотал Бернат, когда, с трудом поднявшись по лестнице, приблизился к ней в сопровождении солдата.

Он спустил штаны и стал на колени рядом с женой.

Девушка продолжала лежать неподвижно.

Бернат посмотрел на свой свисающий член и подумал о том, сможет ли он выполнить приказ своего сеньора. Он протянул руку и мягко провел пальцем по голому бедру Франсески.

Франсеска не ответила.

— Я должен... мы должны это сделать, — настаивал Бернат, беря ее за руку, чтобы повернуть к себе.

— Не прикасайся ко мне! — крикнула Франсеска, выходя из оцепенения.

— С меня спустят шкуру! — Бернат с силой перевернул жену, прижимая к себе ее голое тело.

— Оставь меня!

Они боролись, пока Бернату не удалось схватить ее за оба запястья и немного приподнять. Несмотря на это, Франсеска сопротивлялась.

— Если не я, придет другой! — шепнул он ей. — Придет другой, который... возьмет тебя силой!

В глазах девушки читалось осуждение. Она отвернулась от него.

— С меня снимут шкуру, — с мольбой шептал он. — С меня снимут шкуру...

Франсеска не прекращала бороться, и Бернат набросился на нее с новой силой. Слез девушки было недостаточно, чтобы охладить желание, пробудившееся в Бернате от прикосновения к молодому телу, и он вошел в нее, не обращая внимания на то, что Франсеска кричала во весь голос.

Эти вопли удовлетворили солдата, следившего за Бернатов. Он без всякого стыда наблюдал за этой сценой, стоя на лестнице.

Бернат еще не закончил, когда Франсеска прекратила сопротивление. Постепенно ее крики сменились всхлипываниями.

Плач жены беспрестанно звучал в ушах Берната...

Солнце достигло зенита.

Льоренс де Бельера, услышав отчаянные крики, доносившиеся с третьего этажа, дождался подтверждения солдата, что супружеский долг исполнен, и потребовал лошадей. Зловещая компания покинула дом. Большая часть гостей, подавленных ужасным зрелищем, последовала его примеру.

Тишина наполнила комнату.

Бернат, лежа на истерзанной жене, не знал, что ему делать. Лишь осознав, что по-прежнему с силой держит Франсеску за плечи, он отпустил ее, чтобы опереться на тюфяк, но тут же обессиленно повалился рядом с ней. Повинуясь инстинкту, он вновь приподнялся, вытягивая руки, чтобы опереться на них, и встретился взглядом с пустыми глазами Франсески, которая, казалось, смотрела сквозь него. Любое движение причиняло ей новую боль. Бернат всем сердцем сочувствовал Франсеске, но не знал, что сделать, чтобы она перестала мучиться. Он готов был взлететь, лишь бы оторваться от Франсески и больше не соприкасаться с ней.

Наконец Бернат поднялся и тут же опустился на колени рядом с женой. Но и теперь он не знал, что делать: лечь рядом, уйти из комнаты или попытаться оправдаться...

Он отвел глаза от тела Франсески, повалился на спину и, лежа с открытым ртом, подумал о том, как непристойно он сейчас выглядит. Проведя ладонью по своему лицу, Бернат опустил глаза, и вид голого члена внезапно заставил его устыдиться.

— Я сожа...

Неожиданное движение Франсески застало его врасплох. Девушка повернулась к нему лицом. Бернат попытался найти понимание в ее взгляде, но ее лицо было совершенно отрешенным.

— Я сожалею... — опять начал он, но Франсеска продолжала смотреть на него все тем же бессмысленным взглядом, — я сожалею, очень сожалею. С меня... с меня бы шкуру спустили, — бормотал он.

Бернат вспомнил сеньора Наварклеса, стоящего с вытянутой рукой в ожидании кнута, и вновь стал вглядываться в безучастное лицо Франсески. В ее глазах он

вдруг почувствовал страх: они беззвучно кричали — так же, как недавно кричала она сама.

Инстинктивно, желая дать понять, что он всем сердцем сочувствует ей, Бернат протянул руку к щеке Франески, как будто перед ним был ребенок.

— Я... — начал было он, но, внезапно осекшись, замолчал, так и не прикоснувшись к жене.

Когда его пальцы приблизились к ней, все мышцы Франески напряглись. Бернат закрыл ладонью свое лицо и заплакал.

Франеска оставалась лежать без движения, на ее лице застыло потерянное выражение...

Бернат перестал плакать, поднялся, надел штаны и скрылся в проеме, который вел на нижний этаж.

Когда его шаги затихли, Франеска встала и подошла к сундуку, единственному предмету мебели в спальне, в который складывали белье. Одевшись, она собрала свои разорванные вещи, среди которых была ее драгоценная белая льняная рубашка, аккуратно сложила ее — лоскуток к лоскутку — и спрятала в сундук.

2

Франеска бродила по дому как неприкаянная.

Она выполняла домашние обязанности, но делала это в полной тишине, источая неизбежное горе, которое вскоре овладело всем домом Эстаньолов, вплоть до самого потаенного уголка.

Множество раз Бернат пытался попросить у нее прощения за случившееся. После того как прошел ужас, охвативший его и всех селян в день их свадьбы, Бернат смог пространно объяснить, что им двигало: прежде всего, это был страх перед жестокостью сеньора, а также мысль о последствиях, которые мог бы повлечь за собой отказ повиноваться, как для него самого, так и для нее. Но эти «я сожалею», тысячи «я сожалею», которые раз за разом произносил Бернат, обращаясь к Франеске, приводили лишь к тому, что она смотрела и слушала его, не проронив ни слова, как будто ожидала момента, когда он в своих аргументах дойдет до самого главного: «Пришел бы другой. Если бы не я, то это сделал бы другой...»

Однако Бернат молчал, чувствуя, что любое оправдание теряет смысл, воспоминание о насилии вновь и вновь становилось между ними непреодолимой стеной. Эти «я сожалею», попытки оправдаться и молчание в ответ, конечно, затягивали рану, которую Бернат хотел залечить во что бы то ни стало, да и угрызения совести растворялись в каждодневных заботах, но Франеска оставалась равнодушной, и Бернат, вконец отчаявшись, опустил руки...

Каждое утро, на рассвете, когда Бернат поднимался, чтобы приняться за тяжелую крестьянскую работу, он выглядывал из окна спальни. Он всегда так делал, как и его отец, который даже в последние дни, опираясь на широкий каменный подоконник, смотрел на небо, чтобы предугадать, какой день их ожидает. Вместе с отцом он оглядывал земли, плодородные, четко очерченные вспашкой, так что был виден каждый участок. Поля простирались на бесконечной равнине, начинавшейся у подножия дома. Они наблюдали за птицами и внимательно прислушивались к

звукам, которые издавали животные на подворье. Это были короткие моменты единения отца и сына, а также обоих Эстаньолов с их землями — те редкие минуты, когда казалось, что к отцу возвращается рассудок.

Прислушиваясь, как жена хлопчет по хозяйству этажом ниже, Бернат мечтал разделить с ней эти мгновения, а не переживать их в одиночестве. Ему хотелось рассказать ей о том, что он когда-то услышал из уст своего отца, а тот узнал от своего — и так на протяжении многих поколений.

Он мечтал, что расскажет ей о времени, когда эти земли были свободны от ленных повинностей и принадлежали Эстаньолом. О том, как его предки возделывали их с радостью и любовью, собирая выращенный урожай и чувствуя себя уверенными оттого, что не надо было платить оброк или налоги и склонять голову перед сеньорами, надменными и несправедливыми. Он мечтал поделиться с ней, его женой, будущей матерью наследников этих полей, той же грустью, какой его отец делился с ним, когда рассказывал о причинах, из-за которых сейчас, триста лет спустя, дети, рожденные ею, вынуждены будут стать рабами. Ему хотелось с гордостью поведать ей, как триста лет тому назад Эстаньолы, наряду с другими, такими же, как они, держали оружие в своих домах, как они, чувствуя себя свободными и независимыми, были готовы прибыть по приказу графа Рамона Борреля и его брата Эрменголя Уржелского на защиту старой Каталонии от набегов сарацин. Ему хотелось рассказать ей, как по велению графа Рамона несколько Эстаньолов попали в победоносное войско, разгромившее сарацин Кордовского халифата у Альбезы, за Балагером, на Уржелской равнине. Его отец рассказывал об этом с блеском в глазах, но как только старик вспоминал о смерти графа Рамона Борреля в 1017 году, его возбуждение переходило в уныние. Судя по рассказам, именно эта смерть превратила их в рабов: сын графа Рамона Борреля в пятнадцать лет занял место отца; его мать, Эрмессенда Каркассонская, стала регентшей; а бароны Каталонии — те самые, которые плечом к плечу сражались с крестьянами, — когда границам графства уже ничего не угрожало, воспользовались безвластием, чтобы обобрать крестьян, убить тех, кто не уступал своего имущества, и стать владельцами земель, позволив бывшим хозяевам обрабатывать их и платить сеньору частью своего труда. Эстаньолы уступили, как и многие другие, но огромное количество крестьянских семей были жестоко убиты.

— Будучи свободными людьми, — говорил ему отец, — мы, крестьяне, боролись рядом с кабальеро, пешим порядком разумеется, против мавров, но так и не смогли противостоять сеньорам. И когда последующие графы Барселоны захотели вернуть себе бразды правления над каталонским графством, они столкнулись с богатой и могущественной знатью, вынудившей их заключить соглашение — опять же за счет крестьян. Сначала это были земли старой Каталонии, а потом мы заплатились нашей свободой и честью, а также собственными жизнями...

— Речь идет о твоих дедах, — уточнял он дрожащим голосом, не переставая смотреть на землю, — которые утратили свободу, став сервами. Им запретили покидать свои поля, их превратили в рабов, привязав к земельным наделам, так же как и их детей, как меня, и внуков, как тебя. Наша жизнь... твоя жизнь находится в руках сеньора, который вершит суд и имеет право дурно обращаться с нами и